

Алексей Бурко
придут ветра

АЛЕКСЕЙ БУРКО

ПРИДУТ ВЕТРА

СТИХОТВОРЕНИЯ

Кемерово
2023

ББК 84(2Рос=Рус)6
Б90

Бурко А. В.

Б90 Придут ветра : стихотворения / А. В. Бурко. – Кемерово:
Кузбассвуиздат, 2023. – 84 с.

ISBN 978-5-202-01555-7

В сборник вошли стихи, написанные с 2018 по 2023 год.
Часть стихотворений печаталась в журналах. Большинство
произведений публикуется впервые.

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-202-01555-7

© Бурко А. В., 2023

© Оформление. ООО «АИ «Кузбассвуиздат», 2023

ЧЕРВОННОЕ ЗОЛОТО СТИХА

О книге Алексея Бурко «Придут ветра»

Представлять новую поэтическую книгу Алексея Бурко и несложно, и приятно, поскольку это стихи зрелого мастера, успешно прошедшего все этапы литературной школы.

Опыт философского осмысления действительности, помноженный на поэтический дар, позволил появиться на свет многим ярким и заставляющим читателя чувствовать и размышлять произведениям.

Возьмём хотя бы эти строки, наполненные житейской мудростью и спокойной силой:

Воспитание духа – не повод
отвергать притяжение тел.
Счастлив тот, кто был смолоду молод,
плачет тот, кто до срока созрел.

Слогу этого автора присуще и такое ценное для поэта качество, как афористичность:

Наш мир настолько заселён богами,
Что для героев места больше нет.

Или:

Ты пишешь мне бесчувственные строки,
Но я, любя, читаю между строк.

Однако самого поэта невозможно обвинить в бесчувствии – и подтверждением тому его лучшие лирические строки, которые светлы и проникновенны.

Мне этот выдох для души целебен,
и райским днём у сказочной реки
я не спеша в чернявый локон Евин
весенних трав вплетаю стебельки.

Проницательный читатель без труда отличит хорошего поэта от заурядного даже при беглом прочтении – достаточно обратить внимание на зачин стихотворения и его концовку. И с тем, и с тем у Бурко полный порядок, поскольку композиционно его стихи всегда стремятся к завершению мысли и точности воплощения идеи. Поистине ахматовская поступь слышится в первых словах открывающего произведения сборника:

Я вспомню жест двух дрогнувших ладоней
и взмах прощальный, и весенний лёд...

А вот финал другого стихотворения:

Так смотрят вслед перронные торговки,
Когда пройдет столяпинский вагон.

И ещё много, много удивительных строк – исповедальных, горьких, но и полных надежды и размышлений о современной жизни, такой стремительной и сложной, закрученной посильнее любого острозащитного сценария... В единый миг перед нами свершается великое чудо поэзии – при помощи философского камня жизненных наблюдений создается червонное золото пронзительного стиха. А примеров подлинной поэзии действительно немало на страницах этой небольшой книги, прочтение которой не займёт много времени, но, без сомнения, обогатит вас знакомством с ещё одним талантливым сибирским автором, чей голос дополняет и ширит поэтическую реку России.

Андрей Попов
г. Сыктывкар

ВСЁ ВПЕРЕДИ

Я вспомню жест двух дрогнувших ладоней,
и взмах прощальный, и весенний лёд,
когда, прельщённый синевой бездонной,
свой совершу пугающий полёт...

Как отражение фар автомобиля
бессонной ночью обрамляет тьму,
так час любви – спасенье в тесном мире,
но век разлук наследует ему.

Небесный сон и нежный свет не вечны,
придут ветра, подступит злой циклон,
шумя листвою, тополя калеча,
вздымая пыль на обнажённый склон.

И станет жечь неожиданная похожесть
минувшего на всё, что впереди,
как будто бы неузнанный прохожий
внезапно встал – и в лоб тебе глядит.

И станут ждать положенного срока
те чудеса, что озаряют путь,
все письма запальчивого рока
и красоты бесхитростная суть.

Всё впереди, а я живу всё так же,
и так же строг железный ход веков,
над маковкой жилых многоэтажек
ведущий строй тяжёлых облаков.

Всё впереди, лоснится купол храма,
чуть вдалеке – квартальная мечеть.
Бетонный столб, распахнутая яма
и пешеход, стремящийся взлететь.

МАГИСТРАЛЬ

По дороге зимней, скучной...

Александр Пушкин

В холодной Вселенной проездом
по местностям тлена и тьмы,
как будто томленьем предкрестным
пленённый в застенках зимы,
ты вспомнишь струну магистрали,
скелеты бесхозных дворов,
дымки придорожных едален,
владенья крикливых ворон,
ковыльной степи километры,
пряматый сугробами лес
и белые-белые ветры
от белой земли до небес.

* * *

Внезапный первый снег – посредственная штука,
когда уже мороз и лета не вернуть.

Понять-принять-простить – тяжёлая наука,
но лоцманский маяк укажет верный путь.

Листок календаря, вы можете хихикать,
но для кого-то он бесценный амулет.

Внезапная любовь – кому пустая прихоть,
а для кого-то смысл движения планет.

* * *

Что заслужил ты на старости лет?
Вечного неба космический свет,
Мудрость, добытую горькой ценой,
Собственный сад за высокой стеной,
Радость вседневных забот и тревог,
Смелость пути, что осилить ты смог.
Восковый запах горящих свечей,
Искренность скорби надгробных речей.

* * *

Как ни силишься прожить по-хорошему,
А посуда перебита-расколота.
Вот и нынче я стою огорошенный –
То ли поле лебеда, то ли суп с котом.
Неприятности идут – строй фалангами,
Злые личности кругом, злые улицы.

Но не бойся – велика доля ангелов,
Скоро всё само собой образуется.
Не печалься о пустом – будет день опять,
Будет церковь на холме колоколиться,
Будет солнышко светить, будет дом стоять,
От несчастий шар земной не расколется.
Под берёзами цветы и под дубами,
Поднебесье бирюзой разукрашено,
И еще такой беды не придумали,
Чтоб от собственной любви стало страшно нам.
Видно, рано мы судьбу подытожили,
По неверию бредя, словно по лесу.
Так давай же воздадим Богу Божие,
И последуем Ему, и помолимся.

* * *

Седое небо затянулось злом,
как будто о любви забыли судьи
и сделали мишенью общий дом
в неистовой стрельбе из всех орудий.

Но силой человечность не отнять,
не задушить лукаво словесами.
С небес струится Божья благодать,
а скверну люди изрыгают сами.

* * *

Блаженны все, кого отяготили
страдания несчастных без еды.
А мы молчим, хоть с детства получили
урок о том, что нет чужой беды.

Боль так близка, но мы проходим мимо,
смешав свой стыд с грехами пополам.
И опускаем взгляды торопливо,
бросая подаяние слепцам.

СВЯТОЙ БЕЗДЕЛЬНИК

Погожий день как баловень капризный
Улыбкой нежной лень благословял,
И я мечтал о совершенной жизни,
И я алкал возвышенных начал.

Я так хотел в безделии домашнем
Своей мечтою свет преобразить,
Что оказался вдруг совсем уставшим
И в тишине пленяющей затих.

Мне снился чистый взор благоговенья
На площадях сиятельных искусств,
Высоких мыслей необъятный гений,
Святой любви неопалимый куст...

Но был нарушен сладкий сон небыстрый,
Когда возник очередной урод
И рассказал про жутких террористов
И оскудевший пенсионный фонд.

Звонящий рой наёмных негодяев
Забил эфир, газеты и экран
И, ненасытной власти угождая,
К нам лезет в душу, чтоб залезть в карман.

Страдает мир по воле наглых гномов,
Закрывших токи кровеносных вен.
Так будь в веках благословен Обломов,
Как неимуший дух благословен!

СЛАВНЫЙ ЗЛОДЕЙ

Так случилось, что славу герою
Пролагают не честь и добро,
А свершенья преступного края
С умноженьем на цифру zero.

Неприметный расчётливый барин
На коня взгромождается вдруг –
И вокруг раздаются фанфары,
И снимаются шляпы вокруг.

Находя в слабых точку опоры,
Хам возносится как на дрожжах.
Хоть не страхом сдвигаются горы,
Но за горы сгоняет нас страх.

Знать мне раньше – старался б без меры
Напугать миллионы людей.
Хоть злодеем остался б, наверно,
Но какой был бы славный злодей!

Здесь не будет особой морали –
Хоть святому, хоть бесу служи,
Но в преддверии ада иль рая
Сам ответишь за прошлую жизнь.

* * *

Как хорошо быть одному!
Оставить шум, сосредоточиться,
задать задания уму,
как повелит душа-учётчица.

Как подступающий мороз
скрепляет чахнувшее здание,
так одиночество-наркоз
врачуется муки увядания.

Путь осознания не нов:
пока прозрения случаются –
забыть позор, простить врагов.
Смирить гордыню. Внять. Покаяться.

ГЛАВНОЕ

Он объездил Европы и Африки,
На ледовые пики всходил.
Он с такими богинями завтракал!
От с такими людьми говорил!

Всё пустое.

Ведь что бы ни делал он –
Ни за что никогда не поймёт,
Что всю жизнь разудалую, смелую
Ради нескольких строчек живёт.

* * *

Земное время быстротечно
И суетой захламлено.
Ещё вчера строгал скворечню –
Вдруг листопад стучит в окно.

Устроил в детский садик сына,
И тут же – школьный выпускной.
Несутся пёстрые картины,
Не управляемые мной.

Мелькают города и лица,
Шумит взволнованный вокзал,
А я – в боязни ошибиться –
Как будто поезд прозевал.

Беспечность осуждая строго,
За мудрость принимая грусть,
Я буду призван в гости к Богу
И без подарка заявлюсь.

* * *

Бойтесь торговли. Желанье купить
Музу деньгами подобно уродцу.
Если заставить искусство служить –
Дева капризно от вас отвернётся.

Кто суетливо, как ёрш на крючке,
Путает снасти и бьёт плавниками,
Чая добиться свободы в прыжке, –
Лишь отдаляет свободу прыжками.

ТЯЖЁЛАЯ ЛИРА

Немного выучась играть
на допотопном инструменте,
бег двадцать первого столетия
я стал посильно замедлять.

Теперь с собой покорно пру
тяжёлую бандуру-лиру,
чтоб плач расхристанного мира
баюкать колыханьем струн.

ГРЯДУЩИЕ

Стоял плечом к плечу в шеренге,
Ходил по рекам и морям,
Варил уху, играл на деньги,
Пел песни, напивался в хлам;

Дарил цветы при жарких встречах,
Носил на кладбищах венки...
Полки людей в круженьях вечных
Мне были сколь-нибудь близки.

Но сколько ни ступать подошвам
По тропам радостей и бед –
Хоть как-то зная тех, кто в прошлом,
Мне не познать идущих вслед.

БОГИ

Спокоен взгляд их, не трепещет веко,
Не колыхнётся властная рука.
Они презрели участь человека,
До смертных не спускаясь свысока.

Они привычно управляют нами
И не приемлют дерзости в ответ.
Наш мир настолько заселён богами,
Что для героев места больше нет.

ГОВОРИЛИ ПОЭТУ

Говорили поэту: «Ты так много пьёшь,
на пустое талант транжиришь,
ведь на дне пузыря ничего не найдёшь,
на дне пузыря пузыри лишь.

Посмотри на луга, на седую росу,
на ветвистую ткань растений,
как девчонка вплетает ромашки в косу,
как в жару исчезают тени.

Расскажи про луну, про лучистый рассвет,
про святую любовь к отчизне...»
Но угрюмой спиной отвернулся поэт,
тихо буркнув: «Не в этой жизни».

* * *

Не скрипнет дверь, не треснет сук,
петух не запоёт,
разруха, тлен и грязь вокруг,
репейник и осот.

На славу создавался дом,
но век его изгрыз,
оставив лишь возню ворон
и обнаглевших крыс.

НА ПЕРРОНЕ

Былые влеченья казались
Реестром ненужных имён,
Когда я на светлом вокзале
Ждал поезда лучших времён.

Манили места золотые,
Янтарные звали пути –
В прекрасные дали такие,
Конечно, пешком не дойти.

Но так и остался примотан
Я к месту надёжным жгутом,
И все отъездные заботы
Пришлось отложить на потом.

Судьба злую дань собирала,
В ответ не даруя призов,
И всё беспощадней карала
За прошлый предательский зов.

Не радостный сад, но пустыню
Создал почитатель дорог.
Извечный невольник гордыни,
Как старый валун, одинок,

Теперь слышу говор вороний
На ветках замёрзших осин
И жду на холодном перроне
Хотя бы попутных дрезин.

ШЁПОТ

Были дни, я мыслил оглушительно,
Бойко объясняя всё на свете,
Словно водяным огнетушителем
Заливал пожарища столетья.

Но идут года, седеют волосы,
И рассадник мирового духа
Стал мне мысли диктовать вполголоса.
Или это я лишаюсь слуха?

ПТИЦА

Я неделю не ем хлеба,
мне дрянно по ночам спится,
я наодурь пальнул в небо
и случайно убил птицу.

Я неделю ищу бога,
рассудив, что он здесь, выше.
Я его не могу трогать,
но как будто уже слышу.

И мне кажется, я верю,
что проникшись его словом,
за собой затворю двери
и предстану совсем новым.

Я предстану другим, лучшим,
я сумею свернуть глыбы,
и тогда обретут души
птицы, звери и все рыбы.

* * *

Разнеможется под вечер:
силы нет, здоровья нет,
грусть придавливает плечи,
как занудливый совет,
и твердит вещуньей Вангой:
«Ты не нужен, ты изгой.
Ты теперь понижен рангом.
Был поэтом – стал брюзгой».

* * *

Вен. Ерофееву

Я резво шёл, я смело мыслил,
я супермаркет покорил,
я под сияньем летней выси
над всеми дерзко воспарил.

Пушай умолкнут злые толки –
меня в объятьях крепких вин
ждут поцелуи комсомолки
и вечнопахнувший жасмин.

Поэт звенящей предан лире,
доисторический реликт.
Пребудет с нами в тряском мире
свободный гений Венедикт.

Как ни крути, как ни планируй –
тот был таким, тот был таков –
мы в равной мере пассажиры
до лучших, горних Петушков.

Под перестук колёс вагонный
вольготно чувству и уму.
Таланту автора покорный,
я уподобился ему.

Я так же спорил вдохновенно,
я так же загадочно пел,
на полустанке вождественном
я так же выйти не успел.

* * *

Случится вдруг в забеге дней обычных:
Споткнёшься о неведомый порог –
И словно жулик, пойманный с поличным,
Поймёшь внезапно, что всевышний строг,

Что счастья нет и лучшая награда –
Покойный дом без скорбей и обуз,
Уже сочтён и взвешен до карата
Хороших дел твоих нетяжкий груз,

Что, как ни прыгай – не достигнешь неба,
Что, как ни бегай – не обгонишь звук,
Что, завладев своей краюхой хлеба –
Ослабишь хват и выпустишь из рук.

Так плачет старец, слабый и неловкий,
Когда года навеют страшный сон.
Так смотрят вслед перронные торговки,
Когда пройдёт столыпинский вагон.

БЕЗУМСТВО

Немногим дано одолеть глубину,
Пугают безумные лица.
В пучину познания храбро нырнув –
Мой друг, не забудь возвратиться.

* * *

*Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело своё.*

Александр Блок

Столбняк любовью, трепет дружб,
благопристойный хмель приязней...
Я полагал – всё удержу,
ещё не знал я вкус боязни,
что может обратиться в прах
то, что ребячилось и пело.

Но горьким маслом на устах
нам остаётся только дело,
чему доводится служить,
а остальное – как придётся.
Докуки бледные мужи,
наш шёпот в хриплый крик сорвётся,
когда войдём в иную дверь,
где чернопальными лесами
бездымно тлеет торф потерь
и плохо гасится слезами.

* * *

Года проплывают неровно:
То быстрый, то тягостный год.
Не врёт календарь, но условно
Течение раздумчивых вод.

Движение жизни итожа,
Свой пройденный путь отследи:
Не то, как вольготно ты прожил,
А то, как не смел навредить.

БУХГАЛТЕР

Бухгалтер родился и помер,
Но с радостью был не знаком.
Отель забронировал номер,
А он обретался в другом.

Боясь неприятной изнанки,
Избрал безопасный режим
И, сейф абонируя в банке,
Туда ничего не вложил.

В паническом ужасе боли
Скрывался от призрачных бед.
В кафе резервирован столик,
Но он не пришёл на обед.

Всё было распахнуто настежь,
А он, сомневаясь, не жил.
В порту зафрахтовано счастье,
Но сгинул его пассажир.

* * *

Жизнь и смерть проникают друг в друга,
Постепенно сливаясь в одно.
С разрастанием этого круга
Мы страшимся размеров его.

От такой ненасытной утробы
Мы скрываемся стайкой ворон,
Как от крышки плывущего гроба
В непроглядные дни похорон.

ТРЕВОГА

Воля, правда, честь и совесть,
неоконченная повесть –
всё отложено теперь.
Только горе всюду мнится,
растревоженные лица:
«Лишь бы не было потерь!»

Сквозь пролёты мёрзлых лестниц
тускло светит синий месяц
в наднебесный окоём.
И, внимая зову ночи,
мы, оскалившись по-волчьи,
вой старинный издаём.

* * *

Когда мы чертили проекты побега,
нам было по двадцать.
Нехватка деталей в конструкторе лего –
когда же удастся

сбежать по карнизам, уйти между льдами
индейской лодкой?
Сковали себя, получается, сами
кандальной колодкой.

И, так получается, нас одурачил
насмешливый ментор,
когда искушал в поцелуях чердачных:
«Дождитесь момента,

и вам повезёт, ведь на дальних маршрутах
есть тайные страны,
и если живут здесь одни лилипуты,
то там – великаны.

Там гордо сияют небесные скалы
в свободном полёте,
и если здесь хлеб добывать вам пристало,
то там – расцветёте».

Мы верили слепо, подобно баранам,
куда же деваться –
мы верить хотели, ведь было тогда нам
всего лишь по двадцать.

Теперь-то мы видим, что нет исполинов –
всё больше пигмеев,
а вместо летающих глыб-цеппелинов –
воздушные змеи.

Теперь-то мы знаем, что мир как идея
везде одинаков,
но были наивны, и нами владели
коварные знаки.

Пора бы уняться, закончить на этом –
зима на пороге,
но мы не уймёмся, и чертим проекты,
и долбим пироги.

* * *

Но как о прошлом не грустить,
как дрёму не нарушить,
когда уже ветшает нить,
скрепляющая душу!
И сожаленье тем сильней,
чем более похоже,
что не ценил я лучших дней –
моих тех самых лучших дней,
как оказалось позже.

* * *

А он, мятежный, просит бури...

Михаил Лермонтов

Ах как всё славно, солнечно и чисто!
Я вновь умыт, спокоен, жизни рад,
Приветствую и славлю день лучистый,
Лелея мысль возделывать свой сад.

Мятеж забыт, я кланяюсь порядку,
Проходят дни послушной чередой,
Я много сплю, я делаю зарядку,
Еда довольна мною, я – едой...

ПРЕВЕНЦИЯ

Я буду слеп, когда исчезнут тени,
сгорят деревья в мстительном огне,
и злые маски желчных сновидений
напомнят миру о его вине.

Я буду нем, когда сорвутся пломбы
былых запретов – отголосков смут,
когда жрецов кровавой гекатомбы
мои скрижали к делу призовут.

Я буду глух к взволнованным тирадам,
когда светила скатятся с орбит
и поздним эхом сбывшегося ада
четвёртый ангел вострубит.

* * *

Сосед-безработный, испитая рожа,
убил собутыльника ржавой стамеской.
Раскрыть преступление было несложно –
убийца недолго был смелым и дерзким.

Отец ему прочил судьбу офицера,
а мама мечтала, что станет поэтом, –
да так и скончались в несбыточной вере.
А вышло вот это, всего лишь вот это.

* * *

Как не вспомнить былинные годы,
незапамятный тридцать седьмой:
кто попал под тюремные своды –
будет счастлив, коль выйдет живой.

Без доносчиков мир чист и светел,
домофон благодушно молчит,
но о том, что на улице ветер,
мне оконная рама стучит.

* * *

Хвост Тельца замахнулся Стожарами,
Звёздный пояс надел Орион.
Мы лежим в одиночку и парами
И таращимся на небосклон.

Недоверие напрочь отброшено,
Все секреты открыты друзьям,
В парке имени Веры Волошиной
Мы шутя разлеглись по скамьям.

Так смелы ожидания мамыны,
Так крепки наставленья отца,
Впереди выпускные экзамены,
И ускоренно бьются сердца.

Мы еще ничего не изъездили.
В завихреньях подростковых грёз
Мы лежим под ночными созвездьями
И не знаем названия звёзд.

* * *

Блаженно время чистых ясных дум,
Пора молитв, цветов, стихов, элегий.
Но вслед уже идет глубинный шум,
И после летней невесомой неги
Накроет сферу сумрак роковой,
Подует пыльный неумолчный ветер,
И холода безжалостной стеной
Раздавят память о тепле и свете.
Замёрзнет в лужах палаая вода,
Хрустящий морок обратится мглою,
И беспощадно, словно навсегда,
Сомкнётся небо надо мною.

* * *

Созрели не поздно, гуляли не долго,
не стали обузами отпрыски,
ни разу ни в чём не просрочили долга,
не делали худа, и всё-таки
уходим голодными с царского ужина
подобно опасливым подданным.
Как будто бы сами не взяли, что нужно.
Как будто бы Богом не додано.

ВОТ СЧАСТЬЕ

Вот – счастье. В исходе зимы величавом,
Чирикание храбром взъерошенных пташек,
Проворных ручьёв торопливом журчанье,
Несмелом дымке обнажившихся пашен.

Вот – счастье. В смущённой девичьей улыбке,
Касанье невольном, случайной обмолвке,
Чуть влажной ладони, похожей на рыбку,
Губах осторожных, раскрытых неловко.

Вот – счастье. В разлапистой детской походке,
Семейном обеде всем родственным кругом,
Азартной рыбалке в залатанной лодке
И памятной встрече с потерянным другом;

Густых облаков безвозвратном паренье,
Космических нотах высокой печали.
Вот счастье же было! Но в вечном круженье
Его так хотим мы – и не замечаем.

Заалел суглинок
на крутом яру.
Нити паутинок
реют на ветру.

Отошла малина,
и давно уже
ласточек не видно,
не видать стрижей.

Лай собачий просит
схваток и добыч.
Зычно ходит осень
как пастуший бич.

Но не стану биться
вздорной болью я.
Как стареют лица –
студится земля.

Сколько дней осталось? –
Вздохов череда.
Искушают старость
средние года.

Золотые листья
в травы улеглись.
Опадают мысли
строчками на лист.

ВПЕРЕДИ ХОЛОДА

Врали груши в садах, что надёжнее золото –
Курс осеннего блеска пошёл под уклон.
Жерновами ветров облака перемолоты,
Серый цвет знаменует предзимний сезон.

Беспросветным чужим сновиденьем подслушанным
Проступает зима в индевелых ветвях.
Облекаем надеждами страстные души мы,
Но бесстрастен румяный сезон-здоровяк.

И предчувствуя стужу бездушную, лютую,
Принимают безжизненный вид города.
Впереди холода: видно с каждой минутой –
Впереди холода, впереди холода.

Я не знаю исхода из мрака нависшего,
Как ордынских степей беспощадная рать,
И покорным рабом призывая Всевышнего,
Преклоняя колени, молю благодать:

Боже милый, прости, попусти, дай надеяться
Обнаружить Твой образ на свежем снегу –
Долгожданной муке всепрощающей мельницы –
Я смогу, я исправлюсь, я всё сберегу.

* * *

Металлы стуж пушаты ржой метелей,
Сугробы никнут траченной банкнотой,
И вот уже гречишный мёд капелей
Весну прельщает сладкой позолотой.

И вольным вепрем, Тором многоликим,
Чей острый взгляд пронзает каждый атом,
Я, словно хан в могуществе великом,
Парю над подсыхающим асфальтом.

СНЕГ

Ты был желанен и богат,
Ты свежей дымкой серебрился,
Когда чужой замёрзший сад
Тебе безмолвно покорился.

Сугробы радовали глаз,
Светила шли дорогой млечной,
Хрустел под сапогами наст,
И это всё казалось вечным.

Такой бесхитростный сюжет,
Такая плоская интрига,
Был дан предсказанный ответ
Загадке личностного сдвига,

Когда весна, приняв дела,
Размыла скуку притязаний
И без сомнений развела
Последний шанс и опыт ранний.

Ведь жизнь не замедляет бег –
По кромкам луж, по спинам елей
Идёт в апреле поздний снег
И больше не имеет цели.

* * *

Иные дети – в озере мальки.
Скопления рыб отнерестились ими,
преодолев опасности реки
с такими же друзьями боевыми.

Им дерзкий путь написан на роду –
в стремнины рек в просторы океана,
но в жалком страхе дрогнуть на виду
мальки лелеют собственные планы:

природы зов насильно усмирить,
от всех тревог бежать в родную тину
и до глубокой старости дожить,
питаюсь материнской лососиной.

* * *

Не плачь, корнет, что упорхнула птица,
тебя задев чарующим крылом.
Такой сюжет – не повод застрелиться.
Ты будешь жить, забудешь обо всём,
и если мир не превратится в прах,
то ты ещё увидишь многократно –
весной туда, а осенью обратно –
скользящих в небе мимолётных птах.

* * *

Не бывает без дождей
лета,
но грохочет не везде –
где-то.
Нет, не верю в сказки я –
вырос.
Бог попустит, но свинья
выдаст.

ГРАЧИ

Они внеслись ордой чернильных стай
С лукавой прытью радостных гонцов
И шумным граем обратили май
В сад жёлтых клювов алчущих птенцов.

Был главный день, был радости укол,
Миражный дым несбыточных надежд,
Был тополиный чуть прохладный ствол
И долгий след от сброшенных одежд.

А дальше – лето, ветер грозовой,
Грядущих ссор пылающий закат,
Когда бутыл с пьянящею росой
Поставил август осени в приват.

Пора вранья, сезон банальных слёз,
Погодный срыв – природы нервный тик,
И в жёлто-алом одеянье грёз
Умчал сентябрь – придурковатый фрик.

Нам зимовать, а птицам – путь назад,
Как душам прочь, земных спасаясь тщет,
И только старый тополь-ампутант
Корявой веткой машет им вослед.

* * *

В небесах не приживается насилие,
все обиды происходят на земле.
Я случайно обломал любимой крылья,
и с тех пор она летает на метле.

ШАНС

Как ни играй, как ни шути,
не вникнешь в суть:
что есть судьба, в чём смысл идти
и где тот путь?
Ещё так хочется дремать
под шум двора,
когда о вечном размышлять
пора, пора.
И я хочу наверняка
узнать ответ:
зачем живу?
Но вот пока
ответа нет.

В трясине муторных времён
кто даст мне сил
достойным быть святых имён,
святых могил?
Коварной своре не польстить,
не впасть в соблазн,
от важных дел не уползти
в уютный лаз.

Я не уверен, что в пургу
суровым днём
я заслонить собой смогу
дверной проём.
Я не уверен, что смогу
пробить в набат,
когда попустится врагу
стоять у врат.

Я в передрягах сберегу
любовь и честь.
Я не уверен, что смогу –
но шансы есть.

* * *

Ты небрежно бросала цветы
и сминала вечерние платья.
Переменчивой делалась ты,
но хотел лишь тебя целовать я.
И струились во тьме – се ля ви! –
не имея конца и начала,
на устах моих песни любви,
на твоих – только запах фиалок.

ГОСТЬЯ

Я ей никто. Мы пару раз встречались –
так, вспоминали песни и стихи.
Такой пустяк! Я вовсе не печалюсь.
Кого вообще печалят пустяки?

Но вот беда – пересекаясь взглядом,
я замолкаю, чувствуя нутром,
как та весна, что проходила рядом,
цветочной грёзой заглянула в дом.

Из этих грёз, из тонких гибких лилий
я вяю венок фантазий неземных,
чужих планет волшебных изобилий,
нездешних солнц сияний кружевных...

Настанет день, она умчится скоро
по простыням встревоженных полей,
перед ней померкнут города и горы,
и облака смутятся перед ней.

Настанет день, последний день настанет,
пойдут туманы серой пеленой,
я проглочу застрявшие в гортани
слова любви, не сказанные мной.

Я знаю точно, всё свершится гладко,
но много лет, отчаянно грустя,
я буду в тонких лайковых перчатках
ласкать её портреты в соцсетях.

* * *

Краткая встреча, снова разлука,
снова усердных часов перестук.
Как мы боялись этого стука,
как не хотели мы больше разлук!

Как не жалели страсти и пламени,
как не стыдились объятий своих!
Если бы с неба падали камни,
мы бы не сразу заметили их.

* * *

Печальный пепел лёг на наши лица –
След рокового памятного дня...
Я был бы самым первым из счастливцев,
Когда б ты не оставила меня.

Приходит время выучить уроки –
Разлукой дан неимоверный срок,
Ты пишешь мне бесчувственные строки,
Но я, любя, читаю между строк.

Ты не со мной, покой твой растревожен
Тяжёлых дум снедающим огнём.
Я виноват, но как бы ни был сложен
Твой путь ко мне – тебя молю о нём!

Уверен я, настанет час счастливый:
Сотрётся ветром скорбная печать –
Крылатые, невесомые, прозорливые,
Мы позабудем прежнюю печаль.

* * *

Нет лекарства от чёрной печали,
Нет рецепта от вечной разлуки.
Мы простились на гулком вокзале,
И что толку заламывать руки.

Я не буду разыгрывать страсти,
За тобой не устрою погони,
В скором поезде нового счастья
Ты умчалась в купейном вагоне.

Ты сбежала, но нет передышки
Симптоматике пошлого фарса.
Пробивает тоска фотовспышкой –
Я болею, и нет мне лекарства.

В ССОРЕ

Мы будем спать в одной постели,
В дубравах царственных гулять,
Под завывание метели
Друг другу руки целовать.

Мы будем петь, купаться в море,
Бродить по сонным городам –
Лишь вспоминать о нашей ссоре
Не будем больше никогда.

Нам никогда не будет горько
Пить свежий сок любого дня –
Ты не держи обиды только,
Ты только выслушай меня!

* * *

Не скрывайся от свежего ветра,
если стоек ты и закалён.
Презирай фарисейство запретов,
увлекайся, пока молодой.

Нет нужды церемонно поститься,
ни к чему разводить канитель,
если прямо сейчас чаровница
ждёт тебя, расправляя постель.

Воспитание духа – не повод
отвергать притяжение тел.
Счастлив тот, кто был смолоду молод,
плачет тот, кто до срока созрел.

ОДИССЕЙ

Судьбой назначенный маяк,
Сверкает верная Итака –
Любви неугасимый знак
Средь пропастей интриг и мрака.

Храни надежду, Одиссей,
Превозмогая встречный ветер.
О, этот древний дух морей!
О, эта дерзость – жить на свете!

ВОДОПАДЫ

Они смелы и мстительно прекрасны:
И куртизанка, и властитель мод.
Любые силы на земле не властны
Прервать движенье живоносных вод.
Не воспретить, грозя крошечным адом,
Здоровых тел желаний молодых.
Покуда жизни хлещут водопады –
Благословенно искупаться в них.

* * *

Привет, вот встреча, сколько зим...
Семнадцать? Надо же, летят.
Как дети? В норме? А Вадим?
При новой должности? Я рад.
А ты красотка – так держись!
Друзьям передавай привет...

Как сам? Пока что на плаву.

Твой неприкаянный скелет
по-прежнему в моём шкафу.

* * *

улетают птичьи стаи
чтоб затем вернуться вновь
только люди непрестанно
год от года ждут любовь

ждут любовь и днём и ночью
летом зимнею порой
в нужный час и между прочим
ждут под солнцем и луной
как зверьки неутомимы
не поняв в который раз
что она проходит мимо
что она проходит мимо
что проходит мимо нас

* * *

Мы стыд утопили в вине,
отбросив пустые условности.
Тот вечер стал памятен мне
презумпцией
виновности.

* * *

Я мог остаться да и жить,
и спать в твоей кровати,
но сумасбродил виражи
как бес-завоеватель.

А ты терпела, не гнала
и не дала по роже.
Иная милость так мала –
но нет её дороже.

«Родная, я люблю тебя» –
я не сказал ни разу,
и понадеялась ты зря
услышать эту фразу.

Я мог развеять сонмы туч,
но по дурной привычке,
имея свой надёжный ключ,
использовал отмычки.

ПИСЬМО ДВОРНИКА

Ты объявилась столь необычайно:
сiju в Фейсбуке – тут такая весть!
Короткий клик, разгадка старой тайны
(сварил лапши – и аж забыл поесть)...

...Футболка цвета школьного автобуса
дразнила память слишком много лет.
Свила гнездо в зелёной хвое глобуса
ты в тех местах, где обстоятельств нет
важнее, чем апгрейд автомобиля,
ремонт зонтов и теннисных ракет.
Но что мне Запад? Что бы там забыл я?
Каких услуг вместительный пакет
в себя включает запах перегноя,
неисчислимость судьбоносных дум,
фасон небес немыслимого кроя
и русской речи повседневный шум?

Ты вся блестяшь – на мне суровый ватник,
тебя ждёт море – я кромсаю лёд,
мне б отыскать эмоций релевантных,
нащупать связи – снова не везёт!
Мы разных измерений пассажиры,
мы дальше загогулин инь и ян,
и не сведёшь всем миром с антимиром
нас, разнополых разнопланетян.

Ну что ж, прими сюжетом неизбежным
(наличных нет – идей на миллион)
в ответ на фото твоего бисквита
сугроб в разрезе – торт наполеон.

НЕТ-НЕТ
(Звонок актрисы)

– Слушаю... Да... Алло!
Что за шутки с утра?
Юрий Визбор

– Нет-нет, всё слышно, говори!
Я просто вынул сигарету.
Дела?
Да вроде не горит:
и нет нужды, и денег нету.
Могли бы жить?
Ну, как сказать...
Кем быть в тени такой богини?
В чём было мне себя искать –
молчат и Герман, и Феллини.
Я это слышу?
Снова слёзы?
Ну вот, приехали, салют...
У нас почти уже морозы,
а отопление не дают...
Ну, если хочешь, умолкаю...
Нет, я не этого хотел...
И ни на что я не толкаю...
Нет, я в порядке, много дел.

А ты проветришь, помогает.

* * *

Ирине

Разделяю с любимой ложе,
Умножаю и свет, и тьму.
Блеск очей и оттенки кожи –
Всё слагаю в свою суму.

От касания губ взлетаю,
Вычитая года, не лгу.
Всё считаю тебя, считаю,
Только счесть никак не могу.

* * *

Виденья, накатив девятым валом,
Крылатились венецианским львом,
Когда любовь незримо накрывала
Нас милосердным лёгким рукавом.

Нас принимали местности земные
И области над твердью голубой,
Нам даровались кубки золотые,
Цари рукоплескали нам с тобой,
По сказочным чертогам нас водили,
Повелевая просто и легко.
И ангелы смущённые садились
На спины густопенных облаков.

* * *

Пенились, лохматились, сминались,
мокли под тропическим дождём.
Отлюбили, горестей не зная,
и теперь по памяти живём.

И хранит жестянка из-под крема
треснутый магнитик золотой –
блеск морей, где побывали, где мы,
где мы были счастливы с тобой.

ЕВА

О сердце, сердце, как тебя не прятать,
как холод рук в перчатки теплоты,
когда любое слово стало б свято –
но слово «да» мне выдохнула ты.

Мне этот выдох для души целебен,
и райским днём у сказочной реки
я не спеша в чернявый локон Евин
весенних трав вплетаю стебельки.

ДОЛЬЧЕ ВИТА

А помнишь, мой свет, наш побег незадачливый,
дорожную тусклую синь?
Вернуться б домой, но когда поворачивать,
не скажут, кого ни спроси.

Ах, как мы летали! Кутили неделями,
встречали рассвет коньяком,
гуляли гурьбой, а с большими потерями
был каждый ещё не знаком.

Я был бы уклончив, я был бы не искренен,
когда б не сказал, что тогда
мы думали мало, ехидцами прыская,
как будто ни боль, ни беда

войти не могли в ту игру несерьёзную,
что мы принимали за жизнь,
снимая штаны иль словами скабрёзными
срезая её виражи.

Но пьянка прошла, и шпанятам задиристым
судьба надавала под зад –
исчерпан наш пруд, и на дне его илистом
не найден завещанный клад.

Мы верили в чудо, но век переменчивый
не очень за нас порадел.
Похож на дурную болезнь недолеченный
последний его передел.

Теперь вот стоим и глядим неумехами
в табун подкапотных кобыл...
Так помнишь, в какую дыру мы заехали?
Не помнишь? И я позабыл.

СОДЕРЖАНИЕ

Червонное золото стиха. А. Г. Попов	3
Всё впереди	5
Магистраль.....	7
Внезапный первый снег – посредственная штука	8
«Что заслужил ты на старости лет...»	9
«Как ни силишься прожить по-хорошему...»	10
«Седое небо затянулось злом...»	11
«Блаженны все, кого отяготили...»	12
Святой бездельник	13
Славный злодей.....	14
«Как хорошо быть одному...»	15
Главное.....	16
«Земное время быстротечно...»	17
«Бойтесь торговли. Желанье купить...»	18
Тяжелая лира.....	19
Грядущие	20
Боги	21
Говорили поэту	22
«Не скрипнет дверь, не треснет сук...»	23
На перроне	24
Шепот	25
Птица	26
«Разнеможется под вечер...»	27
«Я резво шел, я смело мыслил...»	28
«Случится вдруг в забеге дней обычных...»	30
Безумство.....	31
«Столбняк любовей, трепет дружб...»	32

«Года проплывают неровно...»	33
Бухгалтер.....	34
«Жизнь и смерть проникают друг в друга...»	35
Тревога	36
«Когда мы чертили проекты побега...»	37
«Но как о прошлом не грустить...»	39
«Ах как всё славно, солнечно и чисто...»	40
Превенция	41
«Сосед-безработный, испитая рожка...»	42
«Как ни вспомнить былинные годы...»	43
«Хвост Тельца замахнулся Стожарами...»	44
«Блаженно время чистых ясных дум...»	45
«Созрели не поздно, гуляли не долго...»	46
Вот счастье	47
«Заалел суглинок...»	48
Впереди холода.....	49
«Металлы стуж пушатся ржой метелей...»	50
Снег	51
«Иные дети – в озере мальки...».....	52
«Не плачь, корнет, что упорхнула птица...»	53
«Не бывает без дождей...»	54
Грачи.....	55
«В небесах не приживается насилие...»	56
Шанс.....	57
«Ты небрежно бросала цветы...»	59
Гостья	60
«Краткая встреча, снова разлука...»	61
«Печальный пепел лег на наши лица...»	62

«Нет лекарства от черной печали...»	63
В ссоре	64
«Не скрывайся от свежего ветра...»	65
Одиссей	66
Водопады	67
«Привет, вот встреча, сколько зим...»	68
«Улетают птичьи стаи...»	69
«Мы стыд утопили в вине...»	70
«Я мог остаться да и жить...»	71
Письмо дворника	72
Нет-нет (звонок актрисы).....	74
«Разделяю с любимой ложе...»	75
«Виденья, накотив девятым валом...»	76
«Пенились, лохматились, сминались...»	77
Ева	78
Дольче вита.	79

Литературно-художественное издание

Бурко Алексей Вячеславович

ПРИДУТ ВЕТРА

Стихи

Редактор В. Салтанова

Художник Н. Золотарева

16+

Подписано в печать 02.09.2023. Формат 70×108 1/32. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,7. Тираж 200 экз. Заказ № 121

Адрес издательства и типографии ООО «АИ «Кузбассвуиздат»:
650993, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Кирова, 45.
Тел. 8 (3842) 36-36-00, 36-12-14. E-mail: 58293469@mail.ru